

В. Г. Белинский

Журнальная заметка

Виссарион Григорьевич Белинский

Журнальная заметка

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827885*

Аннотация

Настоящая заметка была ответом на рецензию Ф. Булгарина «Петр Басманов. Трагедия в пяти действиях. Соч. барона Розена...» («Северная пчела», 1835, № 251, 252, подпись: Кси). Булгарин обвинил молодых авторов «Телескопа» и «Молвы», прежде всего Белинского, в отсутствии патриотизма, в ренегатстве. На защиту Белинского выступил позднее Надеждин в статье «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности».

Содержание

Примечания
Комментарии

21

Виссарион Григорьевич Белинский

Журнальная заметка

Время полемики миновало в нашей литературе. Это сделалось естественным образом: публике наскучил шум и крик, в котором она ничего не понимала, а литераторы утомились. Мы не желаем возвращения этого шумливого времени; мы всегда высказываем открыто и прямо свое суждение о том или другом литературном произведении и не отвечаем на упреки, делаемые нам будто бы за пристрастие и несправедливость наших суждений. В самом деле, не смешно ли было возражать на эти обвинения? Всякий судит по своему разумению, всякий, если он честный человек, должен быть убежден в справедливости своего суждения, следовательно, по одному чувству уважения к самому себе, никто не должен оправдываться в своих литературных действиях, да своему делу никто и не судья. Но когда, по поводу какого-нибудь литературного дела, вас упрекают в делах совсем не литературных, когда оскорбляют вашу личность человека и гражданина, то неужели вы должны молчать? А если будете отвечать, то неужели этим введете полемику? И притом неужели один журнал будет пользоваться правом ругать своих противников невеждами, *ренегатами*, изменниками оте-

честву, а другие не будут иметь права заметить этому журналу неприличность и неблагопристойность его выходок, не будут иметь права сказать ему:

Послушай, ври, да знай же меру!..^[1]

Знаем, что есть журналы, которым совестно отвечать, как есть люди, с которыми войти в какие-нибудь объяснения значит унижить себя в собственных глазах и в общем мнении. Презрительное молчание – лучший ответ таким журналам и таким людям. Но что же прикажете делать, если у нас, в литературе, нападающий непременно прав, если у нас, в литературе, молчание, хотя бы оно было следствием презрения, почитается за безмолвное сознание или своего бессилия, или неправости своего дела! И притом, повторяю, я неуклонно следую правилу, что в своем деле никто не судья, и потому положил себе за обязанность не отвечать ни на какие возражения, если подобный ответ не поведет к решению каких-нибудь истин и не будет достоин прочтения людей мыслящих; но я не могу молчать, когда на меня клеветают, взводят небылицы и, наконец, ругают нагло, называя *рenegатом* и тому подобными нелитературными названиями.

Дело вот в чем: всем известно и ведомо, что «Северная пчела» приходит в крайне дурное расположение духа и выпускает все свое мушиное жало к концу года, когда дело идет о подписчиках. Политика очень благоразумная и расчетли-

вая! Когда кончится подписка, тогда недурно заговорить об умеренности, беспристрастии, добросовестности, не худо по временам нападать на полемику, бранчивый тон рецензий и тому подобное. «Пчела» неуклонно следует этому благоразумному правилу; так поступает она и теперь: мало того, что она бранит истинно неприязненные ей журналы, она нападает даже на те, которым сама недавно падала до ног. Мало того, что она, о чем бы ни говорила, всегда скажет какое-нибудь недоброе слово о «Телескопе» и «Молве»; она, о ужас! нападает теперь – на кого бы вы думали? – на «Библиотеку для чтения»!!!.. Истинное осуществление басни Крылова о Полкане в Барбосе!^[2] Да и чему тут дивиться: разве этого не должно было ожидать? Разве этого уже и не бывало с «Пчелою»? Разве подписчики не такая жирная кость, за которую бы нельзя было *оньм* Орестам и Пиладам не пожалеть зубов и нескольких клочков шерсти?..^[3] О войне, или, лучше сказать, о нападках «Пчелы» на «Библиотеку для чтения» (потому что «Библиотека для чтения» слишком благоразумна и слишком горда, чтобы вступить в открытую войну с «Пчелою»; она скорее пришибет ее мимоходом, à propos¹, каким-нибудь апологом), может быть, поговорю особенно, по поводу нравоописательной и нравственно-сатирической статейки г. Булгарина, в которой очень длинно и очень скучно описывается поездка знаменитого романиста двадцатых годов в Белоруссию и в которой очень много прекурьезных

¹ между прочим (франц.). – *Ред.*

и премилых вещиц;^[4] а теперь обращаюсь к настоящему вопросу.

Итак, «Пчела» к концу нынешнего года стала особенно нападать на «Телескоп» и «Молву»; нам было это всегда очень приятно, потому что подавало пищу для смеха. Нет ничего забавнее и утешительнее, как видеть бессильного врага, который, стараясь вредить вам, против своей воли служит вам. Разумеется, мы смеялись про себя, а в журнале сохраняли презрительное молчание и оставляли доброй «Пчеле» трудиться для нашей пользы и нашего удовольствия. Недавно барон Розен поднес публике в своем «Петре Басманове» новый огромный (не помню, который уже по счету) кубок воды прозаической; «Пчела» воспользовалась этим случаем отделать «Телескоп», в особенности «Молву», а более всего рецензента, пишущего в том и другом журнале и пользующегося лестным счастьем не нравиться журнальному насекомому. Я буду по порядку выписывать обвинительные пункты и отвечать на каждый особенно.

Первое обвинение состоит в том, что будто бы в «Телескопе» и «Молве» «некоторые знаменитые критики от времени до времени наезжают из-за угла на нашу словесность с опущенными забралами², с ужасными копьями, вырванными из гусиных крыльев, с картонными щитами, на которых красу-

² Что это за *словесность с опущенными забралами* и прочими атрибутами, которые придает ей сотрудник «Пчелы», по неумению ставить в приличных местах запятые?

ются девизы неизвестных рыцарей. Девизы замечательные и многозначачие! Тут найдешь и А, и Б, и В, словом сказать: всю нашу азбуку, от аза до ижицы включительно. Девизы эти имеют двоякую цель: во-первых, они приводят в трепет всех писателей, живых и мертвых; во-вторых, за неимением букваря, могут употребляться в школах, для изучения складов, и, таким образом, распространять просвещение, содействовать успехам нашей словесности».

Не правда ли, что эти остроты очень злы и тонки? О, «Пчела» не любит шутить! Жаль только, что остроумный автор статейки немножко клеветает, то есть говорит неправду. В «Телескопе» не было ни одной рецензии, подписанной буквою; да и покуда год в нем всех рецензий было две, и под обеими ими стоит полная моя фамилия. В «Молве» все рецензии, за исключением весьма немногих, принадлежат тоже мне; сперва я под ними подписывался «-он – инский», а теперь «В. Б.»: неужели в этих «В. Б.» заключается вся русская азбука? Может быть, сотруднику «Пчелы» так померещилось: ведь у страха глаза велики. Все сказанное о неизвестных рыцарях, скрывающихся за русскою азбукою, скорее можно отнести к «Северной пчеле», где под всеми рецензиями, кроме писанных г. Булгариным и г. Скромненко, стоят буквы, только не всегда русские; Z встречается всего чаще.

Я никак не могу понять, что за ненависть питают некоторые литераторы к безыменным рецензиям? Какая нужда им до имени? Пройдет два-три года, и все рецензии, которыми

наполняются все, без исключения, наши журналы, канут в Лету вместе с бессмертными творениями, на которые они пишутся. Если же то или другое творение истинно велико и бессмертно, то все-таки ему, а не рецензии, не критике на него, жить в веках. Конечно, есть люди, которые, написавши журнальную статейку, от души убеждены, что они сделали великое дело; так, как Иван Иванович, съевши дыню, бывал от души убежден, что он тоже свершил немаловажный подвиг. Я не принадлежу к числу таких людей и смотрю по-философски как на свои, так и на чужие журнальные труды, и потому не обращаю на имена никакого внимания. Конечно, рецензенты «Северной пчелы» почитают свои рецензии бессмертными произведениями ума человеческого и потому придают именам большую важность. У всякого свой взгляд на вещи!..

Второе обвинение на *неизвестных рыцарей*, или, лучше сказать, на меня, состоит в том, что я осмелился усомниться в существовании русской словесности³. «Напрасно, – говорит «Пчела», – возражал им ученый, остроумный критик в «Библиотеке для чтения»^{4{17}}, что 12 000 русских книг, озна-

³ В моих «Литературных мечтаниях».

⁴ При разборе «Черной женщины» г. Греча или «Мазепы» г. Булгарина – не помню, право^{17}.

{17} См. прим. 19 к «Литературным мечтаниям». Упомянутая статья Сенковского вышла до опубликования «Литературных мечтаний» (ц. р. 31 января 1834 г.) и не могла быть направлена против Белинского. Сенковский имел в виду литераторов, высказывавших аналогичные мысли еще раньше – прежде всего

ченных в каталоге нашей книжной торговли, никак нельзя счесть за 12 000 голландских селедок и что поэтому можно несколько подозревать существование русской литературы. Нет ее! кричат рыцари и между тем сами беспрестанно повторяют: «наша словесность», «нашей словесности», «нашу словесность». Да о чем же вы кричите, господа? Неужто вы, по примеру знаменитого *рыцаря печального образа*, нападаете на какого-нибудь великана-невидимку?» Что на это отвечать? 12 000 книг! В самом деле, убедительное доказательство! И в числе этих книг, из классиков – Симеона Полоцкого, Кантемира, Тредьяковского, Сумарокова, Майкова, Хераскова, Петрова, Николева, Грузинцева, Майкова и пр., и пр.; а из романтиков – Орлова, Кузмичева, Сигова, А. П. Протопопова, Глхрва, Гурьянова и пр., и пр. И в числе этих же книг книги поваренные, о истреблении клопов и тараканов; и в числе этих же книг бесчисленное множество переводов... И потом, если изо всего этого останется NN 500 хороших книг, то сколько между ними будет *условно* хороших и сколько останется *безусловно* хороших?.. Но довольно об этом: мы не пойдем друг друга. Я не умею определять достоинства литературы *весом* и *счетом*. Притом же я отвергаю существование русской литературы только под тем значением литературы, которое я ей даю, а под всеми другими значениями вполне убежден в ее существовании. Но в этом пункте мы еще менее поняли бы друг друга, и потому остав-

ляю этот вопрос и обращаюсь к другим.

«Нет у нас словесности, да и критики нет! – повторяют хором рыцари. Помилуйте! А Полевой, а *критик* «Библиотеки для чтения»⁵, а Булгарин, а Марлинский, а Шевырев... Неужели вы ничего не читали из их превосходных разборов?»⁶{18}{19}

Против этого я ничего не буду возражать. Замечу только: каков комплимент гг. Марлинскому и Шевыреву? А потом, каков комплимент г. Полевому? Да —

⁵ Критик «Библиотеки для чтения»? А как его имя? Или и он принадлежит к числу безыменных рыцарей?

⁶ В самом деле, я что-то плохо помню *превосходные разборы* г. Булгарина: у меня преслабая память. Виноват! я помню один *превосходный разбор* г. Булгарина – это разбор VII главы «Онегина», разбор, в котором *сей* знаменитый г. критик прокричал падение Пушкина на двух языках, русском и французском (*совершенное падение! Chute complete!*), и, как $2 \times 2 = 4$, доказал, что *она* VII глава «Онегина» есть такой вздор, такая ничтожная и бездарная болтовня, в сравнении с которою и «Евгений Вельский» кажется чем-то дельным^{18}. Да – этот *превосходный* разбор точно превосходен; он делает г. Булгарину большую честь, свидетельствуя о его беспристрастном, благородном и независимом образе суждения и его высоких и глубоких понятиях об изящном, и ставит его на ряду самых превосходных российских критиков. Если сотрудник «Пчелы» г. Пси^{19} *такие* разборы называет *превосходными*, то я мог бы вспомнить еще очень многие *превосходные* разборы г. Булгарина. Но только, в таком случае, г. Пси напрасно, называет *превосходными* разборы г. Полевого: они решительно дурны и ничтожны, если прототипом критики должны быть *превосходные* разборы г. Булгарина.

{18} См. прим. 128 к «Литературным мечтаниям».

{19} Нарочитое искажение подписи Ф. Булгарина. Настоящая его подпись «Кси».

Не поздоровится от этаких похвал!^[5]

«Давно ли знаменитый критик, краса московских рецензентов, алмаз «Молвы», А. или Б., не упомним (полно, правда ли! мне сдается, что очень помните!), совершенно уничтожил незаслуженную славу самозванца-писателя Марлинского и неопровержимо, наперекор всему свету доказал, что у Марлинского нет ни идей, ни ума, ни чувства, что у него только есть *потуги чувства, ходульки остроумия, калейдоскопическая игра мишурных фраз*. Напрасно ученый, глубокомысленный, снисходительный Ж. старался *поощрить* и поддержать возникающий, юный талант Марлинского. На Ж. напали остроумный В. и мудрый наш русский Гегель Д. и доказали, что А. совершенно прав». Я нарочно делаю такие длинные и точные выписки: дела говорят сами за себя, и когда ребенок бросается на взрослого человека с топором, то скорее всего может ранить самого себя этим тяжелым оружием, которое слишком ему не по силам. Остроумие вещь прекрасная; но усилие быть остроумным очень опасно для того, кто прикидывается остряком. Я никогда не отнимал у г. Марлинского ни идей, ни ума, потому что иногда встречаю в его сочинениях первые и всегда вижу много второго;^[6] о чувстве – дело другое: здесь мы, то есть я и мой противник, опять не поймем друг друга, и потому я не хочу об этом распространяться. «Потуги чувства» и подобные им фразы, может быть, очень хороши, только я не употреблял их. Итак, опять в *од-*

ном обвинительном пункте две клеветы. Посмотрим, нет ли и третьей. Кто такой этот *ученый, глубокомысленный, снисходительный* Ж., который напрасно старался поощрить и поддержать талант г. Марлинского? Не знаю. Кто эти – остроумный В. и мудрый наш русский Гегель Д., которые напали на Ж.? Это все я же. О, сотрудник «Пчелы» очень остроумен! Да – *что за перо у Ивана Ивановича!*^[7] Но когда же была эта война за г. Марлинского? Решительно никогда. Верно, она приснилась остроумному *Пси*⁷.

«Давно ли известный всей России и даже всей Европе⁸ Е., или нет, не Е., а И. (неужто вы про него ничего не слышали?)⁹ доказал, что Державин был такой же романтик, как и Пушкин, и что причина этого скрывается в его *невежестве*; что Карамзин писал *по-детски, плаксиво и растлительно*, что целые томы его «Истории» – одна *риторическая шумиха*; что Жуковский не сын XIX века, а прозелит, что в Батюшкове мысли детские».

Да – эти мысли мне принадлежат^[8], и я не отпираюсь от них и готов защищать их против всякого, кроме известных

⁷ Так подписался под этой роковой статьей мой остроумный противник.

⁸ Каково остроумие! «Известный всей России и даже всей Европе!» Не случалась ли вам слышать брани кухарок или площадных торговков – «Эка ты княгиня, эка ты графиня, эка краля какая!» В этом состоит ирония и сарказм черни. Как жаль, что эта ирония и сарказм площади переходит так часто в *превосходные разборы* «Северной пчелы».

⁹ По крайней мере вы, мой остроумный противник, много, очень много *про него* слышали.

и неизвестных рыцарей «Северной пчелы», потому что мы, то есть я и они, не поняли бы друг друга.

«Что Шекспир *пьяный дикарь*, Расин *накрахмален*, Шатобриан *крестный отец*, а г-жа Сталь *повивальная бабка* юного романтизма. Мы вовсе не шутим; все эти прелести напечатаны в «Молве»«. Милостивый государь, они напечатаны не в одной «Молве»; они напечатаны и в одной статье высокоуважаемого вами г. Марлинского^[9]. Но я не хочу отпаливаться от этой остроты: мне вас искренно жаль, а лежащего не бьют!..

«Давно ли этот же первоверховный критик И. показал всю цену, весь гений П., о котором до того никто и не слыхал». Понимаете ли вы эту остроту? Знаете ли вы, кто этот П., которого превознес И. и о котором дотоле никто не слыхал? Это г. Гоголь, которого прекрасные, поэтические создания подали мне повод написать большую статью, помещенную в VII и VIII №№ «Телескопа»^[10]. Не верите? Ну так вот вам и доказательство:

«Несколько завистливый Н. соединился с У.¹⁰ и блестящим софистическим разбором затмил было достоинство П.; но все наши гении, философы, ученые, все первостепенные таланты, и Ч., и Ц., и Ш., и Щ., и даже простодушный, беспечный Ъ горячо вступились за П. и доказали...» Позвольте на минуту прервать моего *остроумного* противника и уве-

¹⁰ Уж это не те ли господа, которые в «Библиотеке для чтения» и «Северной пчеле» разругали сочинения г. Гоголя?..

домить вас, что вся эта война опять вымышленная, что весь этот набор слов не что иное, как остроуты моего *остроумного* противника, что весь этот набор букв означает одного меня, нижеподписавшегося; дело еще только начинается, итак, слушайте: «и доказал, что П. – наш Байрон, Шекспир, и что все наши самозванцы-литераторы, беспрестанно поражаемые московскими журналами, как-то: Баратынский, Булгарин, Сенковский, Греч, Пушкин, Крылов, Жуковский, Загоскин, Лажечников, Марлинский, Масальский, Ушаков, барон Розен, Калашников, Козлов, Михайловский-Данилевский, Давыдов, Погодин, Погорельский, Полевой, Скобелев, Хомяков, Языков, Вельтман, одним словом, – все литературные торговцы (особенно *петербургские*), принуждающие долготерпеливую публику покупать по четыре тысячи их жалких изделий, не стоят ни одного мизинца гениального П.».

Видите ли вы, что между этими литературными светилами нет одного г. Гоголя?..

Всей русской читающей публике известно, что в одной повести г. Гоголя описан один из тех офицеров, которые «любят потолковать об литературе, хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове»^{11[11]}. Тут нет ничего удивительного или предосудительного – люди военные, они занимаются литера-

¹¹ Этот-то офицер и был причиною того, что г. Гоголь выключен «Пчелою» из списка великих русских писателей.

турую между службою и отдыхом, им простительно ставить на одну доску Булгарна, Пушкина и Греча; но как их построила в один фронт «Северная пчела»? Как? вот нашли чему удивляться! Своя рука владыка, а свой журнал, что свой дом: что хочу, то и делаю в нем; кто мне запретит объявить в *моем* журнале, что я выше Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона?.. И вот, извольте после этого дорожить славою: Пушкин на одной доске с гг. Калашниковым, Ушаковым, бароном Розеном! Полевой и Лажечников на одной доске с гг. Масальским, Погорельским, Булгариным и *иными!*.. Не правда ли, что мой антагонист очень ловок на комплименты, что к нему нельзя применить этих стихов:

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться?..^[12]

Я пропускаю нападки моего *остроумного* противника на высокие философические суждения об изящном, о XIX веке, об идеях, о требованиях века: я знаю, что все эти предметы не по плечу известным и неизвестным рыцарям «Северной пчелы». В чем не знаешь толку, чего не понимаешь, то брани: это общее правило посредственности. Бывали примеры, что и посредственность толковала, как умела, об этих же самых предметах, но это было время, когда ее признавали за генияльность; это золотое время прошло, и посредственности ничего не остается делать, как нападать на но-

вые идеи, называя их вольнодумными и мятежными. Посредственность видит мятежника во всяком, кто выше ее или кто не признает ее величия.

Мой *остроумный* противник обвиняет меня еще в том, что я называю мисс Эджеворт горничною г-ж Жанлис и Котень; это правда: она точно их горничная, щеголяющая в обношенных капотах, подаренных ей ее господами^[13].

Мой *остроумный* противник мимоходом дает знать, что для того, чтобы понравиться критикам, подобным мне, художники должны доказывать в своих сочинениях, что «измена – дело не худое и даже похвальное». Вот как мило бранятся в Петербурге, не по-московскому! Нет, милостивый государь, я глубоко убежден, что всякая измена есть дело гнусное, подлое, нечеловеческое; я глубоко бы презрел человека, который бы, например, из злобы к русским, сперва летал бы под французским орлом, а потом бы перешел опять к русским...^[14]

«Мы искренно любим всех достойных русских литераторов и от души радуемся каждому новому произведению, обогащающему нашу родную словесность, которой *якобы* вовсе нет, да и быть не может, как уверяют некоторые завистливые иностранцы, не знающие вовсе России, да еще (бог им судья!) *ренегаты*, безбородые юноши, доморощенные Гегели, Шеллинги».

Как! кто говорит, что у нас нет литературы, тот ренегат? Кто находит в своем отечестве не одно хорошее, тот тоже

ренегат?.. Стало быть, китайцы, персияне и другие восточные варвары, которые презирают всех иностранцев и не видят никого выше и образованнее себя, только одни они не ренегаты?.. Стало быть, Петр Великий был не прав, давши пощечину одному переводчику, который, переведши книгу о России, выпустил из нее все, что говорилось в ней дурного о русских?.. И притом, милостивый государь, какое вы имеете право называть кого-нибудь ренегатом? Я мог бы переслать эту посылку к вам назад; но я не хочу этого сделать, потому что человек, пользующийся гражданскими правами, не может быть ренегатом, хотя бы он и не нравился мне... Нет, милостивый государь, на святой Руси не было, нет и не будет ренегатов, то есть этаких выходцев, бродяг, пройдох, этих расстриг и патриотических предателей, которые бы, играя двойною присягою, попадали в двойную цель и, избавляя от негодяя свое отечество, пятнали бы своим братством какое-нибудь государство.

Теперь, кто ж бы это был мой *остроумный* противник? «Я тот, – восклицает он, – которого знает Русь и, кажется, любит, *поелику* моих литературных изделий расходилось по четыре тысячи экземпляров и более». Если бы мы верили возможности голоса с того света, то подумали бы, что это вызывает и гласит к нам тень г. Матвея Комарова^[15], Московского жителя, переводчика «Маркиза Глаголя», «Жизни и деяний Картуша», автора «Никанора, несчастного дворянина», «Милорда английского», «Жизни Ваньки Каина» и дру-

гих сочинений, которые разошлись по России больше, нежели в числе четырех тысяч экземпляров; или тень Курганова, знаменитый «Письмовник» которого имел на Руси гораздо больший успех, нежели сам «Иван Выжигин»; или тень блаженного Михаила Федорыча Меморского, которого учебные книжицы и теперь еще дают хлебец некоторым спекуляторам...^[16] Из живых писателей я ни одного не смею назвать автором этой статейки, потому что, в таком случае, названный мною писатель имел бы право поступить со мною, как с публичным клеветником и нарушителем законов приличия и вежливости. Настоящий автор очень благоразумно поступил, что скрыл свое имя.

В заключение желаю, чтобы урок, данный мною, неизвестным юношею, знаменитому литератору, которого сочинения расходятся по четыре тысячи экземпляров и который теперь скрывается за буквою Пси, не остался без пользы. Скажу ему еще за тайну, что не удаются остроты тому, кто не остер от природы и кто, сверх того, еще сердится. Напрасно вы, милостивый государь, прикидываетесь хладнокровным: вы горячитесь, сами не замечая этого; напрасно вы притворяетесь, будто не знаете настоящего имени молодого философа И.: по тону вашей статьи очень заметно, что вы твердо знаете мое имя; напрасно вы уверяете, что будто бы вы не читаете «Молвы» и даже не знаете, существует ли она: вы читаете ее, вы знаете наизусть много из того, что в ней пишется, вы помните в ней все гораздо лучше, нежели я, который, по

слабости памяти, скоро забывает все, что читает написанного большею частию великих писателей, исчисленных вами, и что пишет сам. Прощайте и умейте, если можете, забыть меня так же скоро, как я вас забыл, ибо, оканчивая последнее слово моей отповеди, я уже забываю вас, чтобы никогда о вас не помнить¹².

¹² Я еще забыл упомянуть об одной диковинке, обретающейся в бранной стайке «Северной пчелы», это – *классико-романтическое* упоминание об Аполлоне. «Этим способом, – говорит мой противник, – можно уронить, изуродовать сочинение самого Аполлона, бога поэзии, если бы он вздумал их напечатать и сошелся в условиях с каким-нибудь книгопродавцем». Не правда ли, что этот намек на Аполлона совершенно в *классико-романтическом* духе? *Классическим* он может похвастаться потому, что теперь уже вышло из моды тормозить парнасскую и олимпийскую сволочь, а г. Пси еще не отстаёт от этой похвальной привязки доброго старого времени, *романтическим* этот намек может назваться потому, что г. Пси – Аполлона, этого бога свободного и благородного искусства, каким представляли его себе простодушные греки, делает *романтиком*, то есть литературным торгашом, заставляя его продавать книгопродавцам свои свободные и творческие вдохновения. Какое смелое воображение у г. Пси! В самом деле, кому придет в голову сделать самого Аполлона литературным торгашом и заставить его в книжной лавке смиренно продавать свою рукопись российскому книгопродавцу, который с важностию, приличною торговой особе, вымеривает эту тетрадь аршином и кладет ее на весы!.. Как *невольню* иногда *высказывается* человек!

Примечания

Журнальная заметка (с. 436–444). Впервые – «Молва», 1835, ч. X, № 46–47, стлб. 320–333 (ц. р. 30 ноября). Подпись: В. Белинский. Вошло в КСсБ, ч. I, с. 488–502.

Настоящая заметка была ответом на рецензию Ф. Булгарина «Петр Басманов. Трагедия в пяти действиях. Соч. барона Розена...» («Северная пчела», 1835, № 251, 252, подпись: Кси). Булгарин обвинил молодых авторов «Телескопа» и «Молвы», прежде всего Белинского, в отсутствии патриотизма, в ренегатстве. На защиту Белинского выступил позднее Надеждин в статье «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности»: «...*Безбородые Шеллинги*, возмущающие настоящее спокойствие литературы тревожными сомнениями, не так ничтожны на самом деле, как их думают представить... на их действиях нет ни тени корыстного расчета, ни тени злонамеренного предубеждения; и, что всего важнее, в них не только не видно *ренегатов*, отпирающихся от своего отечества, но напротив, ярко светит самый благороднейший патриотизм, горит самая чистейшая любовь к славе и благу истинно русского просвещения, истинно русской литературы» («Телескоп», 1836, ч. XXXI. См. также: Надеждин, с. 395).

Комментарии

1.

Цитата из «Горе от ума», д. IV, явл. 4.

2.

Басня Крылова называется «Собачья дружба».

3.

Орест и Пилад — герои древнегреческой мифологии, двоюродные братья, ставшие символом верной дружбы. Иронически этот символ использован, кстати, и в упомянутой выше Белинским басне Крылова. Подчеркнутое Белинским слово *оный* метит одновременно и в Сенковского и в Булгарина: первый был неутомимым преследователем слов «сей», «оный» и т. д. (см. прим. 3 к рецензии «Учебная книга всеобщей истории...» И. Кайданова); Булгарин же защищал употребление этих слов.

4.

Речь идет о путевых очерках Булгарина, печатавшихся в «Северной пчеле» во втором полугодии 1835 г.; об одном из этих очерков Белинский уже упоминал в рецензии на книгу Аллана Каннингама «О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта» (см. наст. т., с. 434 и прим. 7 к этой рецензии). О «войне» «Северной пчелы» с «Библиотекой для чтения», в связи с упомянутыми статьями Булгарина,

Белинский специально не писал.

5.

Цитата из «Горе от ума», д. III, явл. 10.

6.

Белинский писал о Марлинском в статьях «Литературные мечтания», «И мое мнение об игре г. Каратыгина», «О русской повести и повестях г. Гоголя».

7.

Неточная цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», гл. IV.

8.

Белинский писал об этом в «Литературных мечтаниях».

9.

См. прим. 27 к «Литературным мечтаниям».

10.

То есть статью «О русской повести и повестях г. Гоголя».

11.

Цитата из «Невского проспекта» Гоголя.

12.

Цитата из басни Крылова «Пустынник и Медведь».

13.

Это замечание было сделано Белинским в рецензии на «Библиотеку романов и исторических записок...» (см. наст. т., с. 427).

14.

Белинский возвращает Булгарину обвинение в «рenegатстве», намекая на хорошо известные в литературных кругах обстоятельства биографии последнего: поляк по происхождению, Булгарин воспитывался в Петербурге и потом служил в русской армии; после ареста за какую-то провинность и перевода в драгунский полк, стоявший в Финляндии, Булгарин бежал в Варшаву и в течение 1810–1812 гг. служил в армии Наполеона; после размена пленных жил некоторое время в Варшаве, а в 1820 г. появился в Петербурге и стал известным литератором. Здесь и ниже Белинский перефразирует ходившую в рукописи эпиграмму на Булгарина:

15.

См. прим. 159 к «Литературным мечтаниям».

16.

Белинский имеет в виду книгу М. Ф. Меморского «Новая российская грамматика в вопросах и ответах», неоднократно переиздававшуюся. О примитивном характере этой книги Белинский писал еще в 1834 г. в рецензии на «Грамматику языка русского» И. Калайдовича («Молва», 1834, №№ 47, 48; Белинский, АН СССР, т. I. В 1839 г. критик напечатал уничтожающую рецензию на вышедшее в 1838 г. в Москве четырнадцатое издание этой книги («Московский наблюдатель», 1839, ч. I, № 1).

17.

См. прим. 19 к «Литературным мечтаниям». Упомянутая статья Сенковского вышла до опубликования «Литературных мечтаний» (ц. р. 31 января 1834 г.) и не могла быть направлена против Белинского. Сенковский имел в виду литераторов, высказывавших аналогичные мысли еще раньше – прежде всего Надеждина.

18.

См. прим. 128 к «Литературным мечтаниям».

19.

Нарочитое искажение подписи Ф. Булгарина. Настоящая его подпись «Кси».